

ELENA KOŁYBIENKO, ЕЛЕНА КОЛЫБЕНКО

Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет
им. Григория Сковороды, Переяслав (Украина)

ALEKSANDR KOŁYBIENKO, Александр Колыбенко

Национальный историко-этнографический заповедник «Переяслав»,
Переяслав-Хмельницкий (Украина)

К вопросу о денежном обращении Ольвии в связи с находками монет на левом берегу реки Днепр возле Переяслава

В июне-августе 2014 года археологическая экспедиция Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав» осуществила небольшие археологические исследования на территории Музея народной архитектуры и быта Среднего Поднепровья. Этот первый в Украине музей под открытым небом, основан в 1964 году, на данный момент занимает площадь 24,5 гектара в урочище Гора на окраине города Переяслава-Хмельницкого (до 1943 года – Переяслав) Киевской области.

До начала создания музея его территория археологически не изучалась. В 1971 году в возвышенной части музея во время земляных работ были обнаружены следы захоронений, которые археолог Евгения Махно по сопутствующему инвентарю определила как остатки погребений черняховской культуры, зафиксировав также безинвентарные погребения в деревянных гробах¹.

Археологическими разведками 1978 и 1991 годов западнее этого могильника были обнаружены следы селищ черняховской культуры и древнерусского времени².

¹ С.В. Махно, М.І. Сікорський, *Новий могильник черняхівської культури у Переяславі-Хмельницькому*, в: *Дослідження з слов'яно-руської археології*, ред. В.І. Довженко, Київ 1976, с. 95–100.

² М.І. Сікорський, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян, *Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1978 г.*, Научный архив Института археологии НАН Украины, Киев 1978/85, с. 22–23; Г.М.

Несмотря на небольшой объем произведенных в 2014 году работ удалось обнаружить 5 погребений (труположений) древнерусского времени, значительное количество различных находок, а также овальную яму с материалами черняховской культуры. В яме находились целый римский дупондий Юлия Паула 219–220 годов н.э., обломок сестерция императора Гордиана III Пия 238–240 годов н.э., несколько костей животных, а также характерное для этой культуры керамическое пряслице³.

Интересную информацию дали обнаруженные древнерусские погребения. Так, бедренная кость левой ноги покойника из погребения № 3 имеет ярко выраженные следы тяжелой прижизненной травмы (возможно, удар мечом), после которой кость не была правильно сложена и срослась криво. Погребение № 1 частично перекрывает погребение № 2, то есть они имеют несколько разновременный характер. В височной части черепа погребения № 2 четко просматривается небольшое отверстие квадратной формы от колющего оружия. Возле правого бедра погребенного находился железный нож длиной 13 сантиметров, пропущенный через бронзовое кольцо, ниже лежал фрагмент точильного бруска.

В 25-ти метрах на восток от погребений, в культурном слое обнаружены: половина свинцовой вислой печати переяславского князя Всеволода Ярославича (1054–1093), три фрагмента серебряных куфических дирхемов, обломок бронзовой монеты со стертым на обеих сторонах изображением, а также совершенно неожиданная находка – еще одна бронзовая монета плохой сохранности (сильно обломана с двух сторон, стерта и коррозирована) с еле различимой надписью «ОЛВІО» на одной из сторон (**Рис. 1**)⁴. Максимальный диаметр сохранившейся части: 19 миллиметров, толщина: 2 миллиметра, вес: 5,12 грамма. Данная монета выпадает из общего контекста археологических находок как на территории переяславского музея под открытым небом, где преобладают материалы позднеимперского и древнерусского времени, так и на территории Переяславщины в целом.

Бузян, М.М. Буйлук, О.В. Колибенко, М.Т. Товкайло, *Звіт про роботу Переяслав-Хмельницької археологічної експедиції за 1991 р.*, Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ 1991/211, с. 21.

³ М.В. Роздобудько, О.О. Прядко, *Дослідження на території Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав»*, в: *Археологічні дослідження в Україні 2014 року*, ред. Ю.В. Болтрик, Київ 2015, с. 104–105.

⁴ *Ibidem*, с. 104–105.

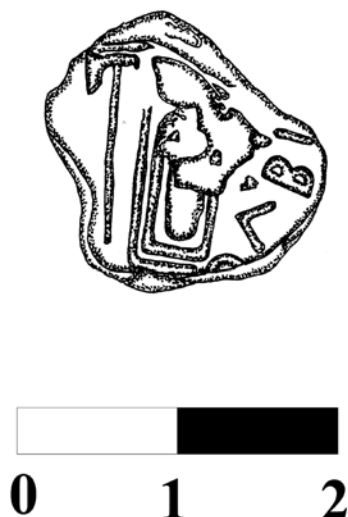

Рис. 1. Обратная сторона «борисфена» (находка 2014 г.). Рисунок А.О. Прядко.

Среди значительного количества разнообразных монет, находимых на территории исторической Переяславщины (левобережная Киевщина и часть левобережной Черкащины), основная масса принадлежит к XVI–XVIII столетиям, а также к позднеримскому и древнерусскому времени. Именно эти монеты, в основном, преобладают как среди случайных находок, так и в материалах археологических исследований – разведок и раскопок. Но иногда на этой территории встречаются и нумизматические памятники иных эпох, чье присутствие на этих землях на первый взгляд кажется несколько неожиданным. Такую реакцию может вызвать и названная выше находка 2014 года – ольвийская монета «борисфен» с территории музея под открытым небом, если считать эту находку уникальной. На самом деле находки ольвийских монет в этом регионе делались и раньше.

Впервые такие монеты были зафиксированы здесь во время археологических разведок 1980 года в урочище Рябцы возле села Коржи на реке Трубеж. В том месте находился большой песчаный дюнный массив, на котором были обнаружены остатки поселения зарубинецкой культуры. Автор находки Ю.В. Костенко отмечал, что

ольвийская бронзовая монета ассарий 50–54 годов н.э. (определение В.А. Анохина) находилась в культурном слое среди скопления лепных шероховатых и полированных фрагментов керамики зарубинецкой культуры⁵. На лицевой стороне монеты находилось изображение головы Зевса вправо с надчеканкой, в нижней части – клеймо-кадуцей. На очень стертой обратной стороне находилось изображение орла с повернутой вправо головой. Диаметр монеты: 18–19 миллиметров, толщина: 2,5 миллиметра⁶.

Весной 2011 года в лабораторию археологических исследований при кафедре истории и культуры Украины Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета имени Григория Сковороды была передана чрезвычайно интересная находка – ольвийская бронзовая монета «борисфен» (Рис. 2, 3). Она была случайно обнаружена недалеко от современного села Натягайловка, на территории бывшего села, на берегу небольшой реки Броварки (Супротивки)⁷.

Рис. 2. Лицевая сторона «борисфена» из с. Натягайловка.

⁵ Ю.В. Костенко, *Археологічні пам'ятки Середнього Потрубіжжя*, Переяслав-Хмельницький 2015, с. 542.

⁶ В.А. Анохин, *Матеріали, дослідження і заметки по археології і нумізматиці*, Київ 2010, с. 158.

⁷ О.В. Колибенко, *Ольвійський «борисфен» на Переяславщині*, в: *Наукові записки з української історії*, ред. В.В. Коцур, Переяслав – Хмельницький 2011, Вип. 27, с. 4–21.

Рис. 3. Обратная сторона «борисфена» из с. Натягайловка.

После промывки дистиллированной водой и просушки монета имеет зеленоватую и коричневатую патину. Несмотря на длительное пребывание в грунте, общее состояние монеты хорошее. На лицевой стороне находится достаточно четкое выпуклое изображение бородатого и рогатого божества реки Борисфен. Рельеф изображения достаточно высокий, практически все детали хорошо просматриваются: вертикально размещенный рог, узкая налобная повязка, широкие профилированные пряди волос на голове, узкие пряди волос бороды, резко отделенный от края монеты обрез шеи. Изображение Борисфена передано высокохудожественно, мастер-резчик, похоже, имел высокую квалификацию и пытался передать антропологические особенности лица скифа (**Рис. 2**).

Данный «борисфен» имеет такие характеристики: диаметр: 23 миллиметра, толщина монетного кружка: 2–2,2 миллиметра, вес: 9,115 грамма. Во время чеканки края монетного кружка от сильного удара немного растрескались, поэтому с двух его сторон на противоположных краях монеты видны неглубокие трещины, одна из которых доходит до середины обреза шеи божества на аверсе и до нижнего конца древка секиры на реверсе. С учетом возможных

потерь определенного количества металла в местах трещин, вес монеты первоначально мог быть больше на 0,05–0,1 грамма.

На обратной стороне «борисфена» размещено изображение скифского оружия – парадной секиры и лука в горите, ольвийский этникон – надпись «ОЛВІО», а также дифферент (сокращение) «ІК». Во время чеканки штемпель был несколько сдвинут в сторону, поэтому последняя буква этникона частично вышла за край поля монеты, а на противоположной стороне, рядом с дифферентом, получился невысокий бортик шириной около 1 миллиметра (**Рис. 3**). Поскольку диаметр реверса несколько меньше диаметра аверса, то гурт монеты имеет скошенный вид. Гурт неровный, местами побит и растрескан.

По своим признакам (вес, размер и стилистика изображения божества Борисфена), а также по дифференту, «борисфен» относится к группе П=С по классификации П.О. Карышковского. Анализ изображения на аверсе данного экземпляра «борисфена» подтверждает мысль этого исследователя: «... наиболее удачным художественным воплощением образа речного бога Борисфена оказываются не самые первые выпуски этих монет, где его локоны и борода тракуются в рамках установленной схемы, а несколько более поздние, на которых резчики непринужденно располагают завитки пышной бороды и шевелюры Борисфена и в то же время умеют воспроизвести такие подробности, как выставленный вперед подбородок и наклоненную шею пловца»⁸. Действительно, экземпляр «борисфена» с Переяславщины имеет именно такие признаки, и его сложно назвать делом рук обычного ремесленника. Внимательное рассмотрение изображений «борисфенов» во всех известных нам работах не дало ни одного аналогичного штампея аверса, несмотря на значительное количество монет данной подгруппы П=С, имеющих на себе дифферент ІК.

Что касается этого сокращения (дифферента) ІК на «борисфене», то относительно него П.О. Карышковский отмечал: «Два одинаковых сокращения на однотипных и близких по времени монетах, принадлежат, однако, скорее всего различным лицам. Имя

⁸ П.О. Карышковский, *Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.)*, Одесса 2003, с. 112.

легко восстанавливается как широко распространенное в Ольвии Гикесий»⁹. Благодаря наличию такого эпиграфического источника как диахронный список жрецов храма Аполлона – эпонимов за период IV–I столетий до н.э., который, фактически, является своеобразным календарем, есть возможность определить особу, спрятанную за сокращением ΙΚ. Поскольку на «борисфенах» первой группы стоит дифферент – сложная монограмма из трех литер ЕКА, а на заключительных «борисфенах» подгруппы Π=С – дифферент ΦΙ, то нужное нам лицо было эпонимом где-то между этими двумя деятелями. Синхронизированный (в первом приближении) эпонимный календарь Ольвии был сопоставлен Н. Николаевым и И. Снытко с синхронными монетными выпусками Ольвии. Благодаря этому стало понятно, что разыскиваемая нами особа – это Ἰκέσιος Παντακλέους, представитель одного из выдающихся ольвийских родов – Пантаклов-Клеомбротов. Его эпонимат датируется данными авторами 306 г. до н.э., Ἐκατέων Παντακλέους (лигатура ЕКА) был эпонимом в 320 году до н.э., а Φιλόμελος Διονυσίου (дифферент ΦΙ) – в 303 году до н.э.¹⁰ Это подтверждает точку зрения Н. Николаева и И. Снытко о том, что «лицо, бывшее эпонимом, функцию монетного магистрата исполняло на несколько лет ранее/позднее исполнения эпонимной должности»¹¹. Таким образом, датировка нашего «борисфена» с дифферентом ΙΚ рубежом IV/III веков до н.э. подтверждается, как и исполнение эпонимата на несколько лет раньше от исполнения функций монетного магистрата.

Весной 2019 года экспедиция НИЭЗ «Переяслав» продолжила исследование участка, прилегающего к территории раскопок 2014 года. В культурном слое древнерусского времени, на расстоянии нескольких метров от места находки «борисфена» 2014 года, были обнаружены еще два бронзовых ольвийских «борисфена». Эти монеты по своим художественным качествам значительно уступают монете 2011 года с дифферентом ΙΚ, но сохранились лучше, чем монета 2014 года. Они имеют разные размеры и вес.

⁹ Ibidem, с. 136.

¹⁰ Н.И. Николаев, И.А. Снытко, *Эпонимный календарь и монетные магистраты Ольвии IV-I вв. до н.э.*, в: *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*, ред. И.В. Бруйко, Одесса 2010, с. 16.

¹¹ Ibidem, с. 10.

Более крупная из них имеет такие характеристики: диаметр: 24,5 миллиметра, толщина монетного кружка: 2 миллиметра, вес: 10,95 грамма (**Рис. 4, 5**). Монетный кружок имеет не очень круглую (несколько многоугольную) форму и, вместе с достаточно большим размером монеты, вызывает подозрения в ее перечеканке из более ранней, вышедшей из употребления ольвийской меди. Похоже, что мастер перед чеканкой немного прошелся молотком по ее гурту, слегка приплюснул его, чтобы уменьшить размер будущей монеты, подогнав его под тогдашний стандарт «борисфена». Кроме того, обращает внимание, что реверс монеты имеет небольшие следы бортика с разных его сторон. Так бывает при сдвиге штампера в сторону во время удара, однако в данном случае все изображение реверса четко поместилось на монетном кружке: и этникон ОЛВІО на одном краю, и сложная монограмма на противоположном.

Рис. 4. Лицевая сторона большого «борисфена» (находка 2019 г.).

Рис. 5. Обратная сторона большого «борисфена» (находка 2019 г.).

Что касается монограммы на обратной стороне «борисфена», то она относится к сложному типу дифферентов и уже рассматривалась нами выше. В этой монограмме соединены вместе три литеры ЕКА (Рис. 5). Но П.О. Карышковский считал, что она читается как ЕПА, и что в монограммах, «несомненно состоящих из букв ЕПА, заключено скорее всего имя одного лица. В Ольвии имена с такой начальной частью неизвестны, но в милетских надписях встречается *Ἐλαδέτινον*. Это последнее связывается со сравнительной степенью прилагательного *ἀγαθός* (отличный, доблестный, благородный)»¹².

Однако, Н.И. Николаев, широко использовавший нумизматические материалы для синхронизации эпонимного каталога Ольвии *IosPE*. I2. 201, считает, что эта монограмма читается как ЕКА и может быть отождествлена с уже упоминавшимся эпонимом *Ἐκατέων Παντακλέους*, а монеты с этим дифферентом датируются 320–315 годами до н.э.¹³. Следует отметить, что, действительно, размер и вес монеты подтверждают такую датировку.

¹² П.О. Карышковский, *Монетное дело...*, с. 134.

¹³ Н.И. Николаев, *Просопография Ольвии Понтийской V в. до н.э. – I в. н.э.*, Киев 2016, с. 45.

Внимательное изучение особенностей изображений на обеих сторонах данного «борисфена» позволило обнаружить в литературе его «брата-близнеца» – монету, имеющую идентичные с ним штемпели аверса и реверса, что бывает достаточно редко¹⁴.

Вторая обнаруженная в 2019 году монета-«борисфен» имеет такие характеристики: диаметр: 20 миллиметров, толщина монетного кружка: 2,4–2,5 миллиметра, вес: 7,2 грамма (Рис. 6, 7). В отличие от предыдущей монеты, ее гурт имеет четко выраженный скошенный край, особенно характерный для большинства «борисфенов» поздних групп. Изображение головы речного божества Борисфена на аверсе монеты полностью поместилось на монетном кружке, но выглядит не очень четко. На реверсе монеты хорошо видно следы сдвига штемпеля – характерный бортик, расположенный возле верхней части лука и секиры. Из-за этого сдвига на монетном кружке не поместилась нижняя часть надписи-этникона ОЛВЮ и нижняя часть второй литеры дифферента – развернутой в обратную сторону литеры ꝛ (Рис. 7).

Рис. 6. Лицевая сторона меньшего «борисфена» (находка 2019 г.).

¹⁴ П.О. Карышковский, *Монетное дело...*, с. 411, табл. XII=C3.

Рис.7. Обратная сторона меньшего «борисфена» (находка 2019 г.).

Что касается этого дифферента, состоящего из двух четко написанных и соединенных между собой букв $\phi\zeta$, то П.О. Карышковский назвал его неподдающейся расшифровке монограммой¹⁵. Эта монета и по своему размеру, и по весу, и по дифференту относится к более поздним группам «борисфенов», что хорошо видно в таблице дифферентов П.О. Карышковского¹⁶. Очевидно, под этой монограммой скрывается один из представителей высшей ольвийской элиты с именем, начинающимся на ФР.

Таким образом, приведенные выше обстоятельства обнаружения трех «борисфенов» в непосредственной близости друг от друга позволяют, по нашему мнению, видеть в них «осколки» от какого-то небольшого клада этих ольвийских монет, спрятанного в первой половине III-го века до н.э. кем-то, находившимся на этой территории. Отсутствие поблизости от места находки монет следов любых поселений этого времени, указывает на случайный характер выпадения клада, возможно,

¹⁵ Ibidem, с. 129.

¹⁶ П.О. Карышковский, *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*, Киев 1988, с. 81, табл. 4, № 74.

спрятанного в минуту опасности практически в чистом поле, в урочище Гора, на высоком мысовидном выступе лессового плато левого коренного берега реки Днепр, в месте выхода в его широкую долину левого притока – реки Трубеж.

Возникает естественный вопрос: что делали небольшие бронзовые ольвийские монеты рубежа IV/III веков до н.э. на территории современной Переяславщины?

Все исследователи, занимавшиеся проблематикой «борисфенов», отмечали такой интересный факт как чрезвычайную распространенность этих монет. В свое время П. Бурачков даже высказал такую мысль: «Здесь, как и в Ольвии, одни из монет чеканились для торговли со скифами, а другие для обращения между греками, местными жителями. Таким образом объясняется нахождение бесчисленного множества ольвийских монет с изображением лука и сагариса, по всему пространству земли занятой скифами»¹⁷.

Специально рассматривая этот вопрос в своей докторской диссертации, П.О. Карышковский привел сведения о находках ольвийских «борисфенов» на значительной территории за пределами Ольвии: остров Змеиный, Великомихайловка, Кубанка, Кошары (Одесская область), Жевахова гора (Одесса), остров Березань, Очаков, Петуховка, Закисова балка, Чертоватая балка, Катилино, Дидова Хата, Кисляковка (Николаевская область), Роксандровка, Понятовка (Херсонская область), Каменка-Днепровская (Запорожская область), Черноморское, Евпатория, городище и заповедник Херсонес, Гераклеийский полуостров, Керчь (Крым)¹⁸. В монографии 1988 года он дополнил этот список отдельными новыми пунктами с околлиц Ольвии и Северного Причерноморья¹⁹. Еще определенное количество таких сведений ввели в научный оборот Э.И. Диамант, В.В. Рубан и В.М. Урсалов, хотя они и касаются, в основном, территории ольвийской хоры²⁰.

¹⁷ П. Бурачков, *О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих*, в: *Записки императорского Одесского общества истории и древностей*, Одесса 1875, Т. 9, с. 131.

¹⁸ П.О. Карышковский, *Монетное дело...*, с. 239, 292–301.

¹⁹ *Ibidem*, с. 84–85.

²⁰ Э.И. Диамант, *Монетные находки Кошарского поселения (К вопросу о западной границе ольвийского полиса)*, в: *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*, ред. С.Д.

Однако, еще П.О. Карышковский указал на отдельные находки «борисфенов», обнаруженные далеко за пределами не только Ольвийского полиса, но и всего Северного Причерноморья. Речь идет о нескольких находках «борисфенов» в Польше (Серадз и Иновлудзь), а также в Славянске (современная Донецкая область), где в 1860 году был обнаружен на глубине около 2 метров «борисфен» с дифферентом ΔΙ. Известно было П.О. Карышковскому и о находках «борисфенов» в Поволжье²¹. Специальную статью, посвященную находкам ольвийских монет в Поволжье, написал Д.Б. Шелов. В ней он констатировал, что все найденные в Поволжье ольвийские монеты были «борисфенами» и попали туда между концом IV и концом III веков до н.э.: «Повторные находки этих однотипных монет заставляют предполагать существование связей между Ольвией и Нижним Поволжьем в III в. до н.э. и наличие у ольвийских купцов в это время какой-то заинтересованности в этом отдаленном восточном районе»²².

Необходимо отметить, что данные находки ольвийских монет на территории Переяславщины входят в значительно более широкий ареал распространения таких артефактов в Среднем Поднепровье, гранича с находками с Черкащины. На территории последней известны многочисленные находки античных монет, в том числе и ольвийских. Например, по данным А.В. Шестопада, среди античных монет, найденных на Черкащине, были зафиксированы и монеты Ольвии: три «дельфинчика» (с. Мельники Чигиринского района, 2003–2004 годы), еще один «дельфинчик» (с. Чеховка Чернобаевского района, 2007 год), а также хорошей сохранности «борисфен» с дифферентом ΦΙ (Φιλόμηλος Διονυσίου), описание которого приведено в таблице под позицией 6 («Ольвия, διχалк («борисфен»), 300–280 pp. до н.э.»)²³, изображение приведено под

Крыжицкий, Киев 1978, с. 241–249; В.В. Рубан, В.Н. Урсалов, *История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени*, «Вестник древней истории» 1986, № 4 (179), с. 31–53; В.В. Рубан, В.Н. Урсалов, *Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени*, в: *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*, ред. В.Л. Янин, Кишинев 1990, с. 30–44.

²¹ П.О. Карышковский, *Монетное дело...*, с. 292–301.

²² Д.Б. Шелов, *Ольвийские монеты в Поволжье*, в: *Древности Восточной Европы: Материалы и исследования по археологии СССР*, ред. Л.А. Евтюхова, Москва 1969, вып. 169, с. 296–299.

²³ А.В. Шостопад, Скарби Черкащини, Черкаси 2007, с. 78.

соответствующей позицией среди иллюстраций, но почему-то нигде в тексте не указано точное место находки этой монеты²⁴.

Переяславщина расположена значительно ближе к Ольвии, чем Поволжье или Польша. По мнению современных исследователей, занимающихся проблемами экономики Скифии, «местом доставки больших партий товаров из метрополии, а позднее и местом производства товаров необходимых скифам, служила Ольвия, а местом получения этих товаров был экономический узел (ядро, центр), расположенный в том месте, где плавание перестает быть безопасным. Археологически это место определяется Каменским городищем на левом берегу и Капуловским на правом. (...) Повидимому, греческие товары поступали большими партиями по Днепру на Каменское и Капуловское городище, где разгружались и продавались местным торговцам за деньги (возможно, грекам – есть предположение о существовании на территории Каменского городища эмпория) или обменивались на скот или другой эквивалент, который играл роль денег. Из Каменского и Капуловского городища по сухопутным торговым путям, нередко совпадающим с трассами перекочевков, античные изделия небольшими партиями развозились по степи»²⁵.

Очевидно, античные изделия развозились не только по степи, как пишет Н.А. Гаврилюк, но и по лесостепи, о чем свидетельствует, например, известный клад античной бронзовой посуды (15 сосудов различного размера), обнаруженный в свое время в заплаве реки Супой возле села Пещаное Драбовского района Черкасской области, недалеко от Переяслава²⁶. Другой исследователь (Ю.В. Болтрик) считает, что картографирование греческих импортов более раннего времени – VI–V столетий до н.э. – «вказує головні вектори ольвійських торговельних зв'язків у північному та північно-східному напрямках. Імпорти концентруються у межах п'яти скупчень поселенських структур Середнього Подніпров'я. (...) найбільше Канівсько-Трахтемирівське скупчення пам'яток, що охоплювало ще

²⁴ Ibidem, с. 87, 6.

²⁵ Н.А. Гаврилюк, *Территориальная организация и особенности ольвийско-варварской торговли в раннем железном веке*, в: *Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України*, Київ 2001, с. 43–44.

²⁶ О.Д. Ганіна, *Античні посудини з торфовища на р. Супой*, «Археологія» 1964, т. 16, с. 195–198.

й лівий берег Дніпра, у межах Каратульського городища»²⁷. Хотя так называемое Каратульское городище является лишь своеобразным археологическим мифом, до сих пор использующимся скифологами (на самом деле, это так называемые «Змиевы» валы древнерусского времени), все же отметим, что наши «борисфены» обнаружены именно в этой местности.

Как известно, археологические памятники не могут существовать сами по себе, в отрыве от современной им среды. В 1999–2000 годах археологическая экспедиция НИЭЗ «Переяслав» и Переяслав-Хмельницкого педуниверситета (руководитель – М.В. Роздобудько) продолжила исследования городища эпохи раннего железа, расположенного севернее села Лепляво, недалеко от межи Каневского и Переяслав-Хмельницкого районов. Кроме разреза вала траншеей, где были обнаружены обгоревшие остатки деревянных конструкций, исследовались также культурные пятна в юго-западном секторе городища. В целом с раскрытой площади выбрано около 50 фрагментов лепной посуды, большая часть которых принадлежит нескольким сосудам. Обнаружен также железный серп, фрагмент стеклянного сосуда цилиндрической формы и большие фрагменты античной амфоры, на верхней части овальной ручки которой сохранилась часть клейма – три литеры в углублении подтреугольного штампа. находка амфоры, совместно с обнаруженными в предыдущие сезоны материалами, позволяет датировать культурные пятна городища IV–началом III века до н.э.²⁸.

Материалы археологических исследований последнего двадцатилетия на территории Переяславщины подтверждают факт существования определенных торгово-экономических контактов населения этого региона с античными городами Северного Причерноморья, важнейшим из которых была Ольвия. Вместе с тем, следует согласиться с мнением, что «даже в IV–III вв. до н.э. усиление контактов между двумя культурами практически не затронуло рядовых скифов. Во всяком случае, доказательства этого

²⁷ Ю. Болтрик, Тракти Скифії – шляхи України, в: Записки Наукового товариства імені Шевченка: Том ССXLIV. Праці Археологічної комісії, Львів 2002, с. 210.

²⁸ М.В. Роздобудько, О.В. Костюк, *Городище доби раннього заліза на Лівобережжі Середнього Дніпра*, в: *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.*, ред. Д.Н. Козак, Київ 2001, с. 43–45.

отсутствуют. Греческих изделий в рядовых скифских погребениях очень мало, к тому же они не особенно дорогие. Только амфоры, содержавшие вино, выпитое на тризне, находят почти во всех скифских погребениях, даже самых бедных»²⁹.

Широкое распространение «борисфенов» в пределах Ольвийского полиса, как и достаточно большое количество их находок за его пределами, все-таки выдвигают эти монеты на особенное место в ольвийской нумизматике. Похоже, что это была самая распространенная ольвийская монета эллинистического времени. Во всяком случае, никакая другая монета Ольвии данной эпохи не представлена таким количеством находок. Это указывает как на достаточно длительный период чеканки этих монет, так и на интенсивность их выпуска, то есть на массовость их эмиссии, которая в конечном счете и стала причиной их измельчения и обесценивания. Какие же причины требовали такого массированного выброса этих чеканных монет на ольвийский рынок?

В.П. Алексеев выдвинул предположение, что эмиссию «борисфенов» следует рассматривать как специальные выпуски, предназначенные для оплаты военной службы миксэллинов по охране границ Ольвийского полиса³⁰, хотя в другой заметке он рассматривает эти монеты уже как знак признания ольвиополитами заслуг их союзников скифов в деле защиты города от войск македонского полководца Зопириона³¹.

По мнению В.А. Анохина существует связь массовой эмиссии «борисфенов» с займом Ольвии у зажиточного херсонесита Аполлония значительной суммы денег – 3 тысячи золотых статов. Он считал, что заем был сделан в связи с необходимостью наполнить денежный рынок города достаточным количеством разменной монеты, которая явно уступала по объему выпускам местного серебра и золота³². Получается, что выпуск собственной золотой монеты только навредил денежному обращению Ольвии,

²⁹ А.М. Хазанов, А.И. Шкурко, *Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира*, в: *Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока*, ред. И.Р. Пичикян, Москва 1978, с. 77.

³⁰ В.П. Алексеев, *Исследования по античной нумизматике*, Одесса 2008, с. 49–54.

³¹ *Ibidem*, с. 47–48.

³² В.А. Анохин, *«Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии*, в: *Античная культура Северного Причерноморья*, ред. С.Д. Крыжицкий, Киев 1984, с. 40–41.

и ольвиополитам пришлось брать займы у чужестранца другие золотые монеты, чтобы обеспечить предыдущие разменной медной монетой.

Однако, мысль о связи массовой эмиссии с займом, очевидно, верна. История Ольвии знает случай, когда ольвиополиты в трудной ситуации осуществили крупный заем золотой монетой у собственного зажиточного гражданина, а потом возвращали ее медной (бронзовой) монетой по заниженному курсу. Речь идет о Протогене, сыне Геросона, декрет в честь которого является чрезвычайно важным источником по истории Ольвии. Еще А.Н. Зограф считал, что этот декрет «говорит даже об определенном курсе золота на медную монету, ставя в заслугу Протогену его согласие принять в уплату одолженных городу золотых медь «из четырехсот» (медных монет за один золотой). Неоднократные упоминания об этом курсе позволяют предположить, что он был официальным, считавшимся справедливым, и что рядом с ним на рынке существовали другие менее выгодные для меди курсы. (...) Бертье-Делагард, вероятно, прав в своем предположении, что медные монеты, которыми Протоген получал должную ему сумму из расчета 400 штук за золотой, всего вероятнее представляли особенно часто встречающиеся в ольвийских находках монеты с изображением на лицевой стороне головы рогатого речного бога, а на оборотной лука в горите и секиры»³³.

Таким образом, А.Н. Зограф считал, что гражданин Протоген получил долг от Ольвии именно «борисфенами». П.О. Карышковский в своей специально посвященной «борисфенам» статье писал, что в эпоху Протогенового декрета золотой статер разменивался на «борисфены» по курсу 1:400³⁴. Позже он отмечал, что касательно упомянутой в декрете меди, учитывая его дату, в ней можно видеть «не только номинальные оболочки (т.е. борисфены и монеты с Гераклом), но и монеты, считавшиеся в момент эмиссии тетрахаками (старший номинал серии Семи и не перечеканенные еще монеты с Деметрой и оружием): падение стоимости всей находившейся в обращении

³³ А.Н. Зограф, *Античные монеты*, в: *Материалы и исследования по археологии СССР*, Москва - Ленинград 1951, вып. 16, с. 129–130.

³⁴ П.О. Карышковский, *Ольвийские «борисфены»*, в: *Нумизматика и сфрагистика*, ред. В.А. Анохин, Киев 1968, вып. 3, с. 85.

меди превращало их на практике в один номинал, что и было вскоре подтверждено сплошной перечеканкой сохранившихся на рынке монет одинаковыми штемпелями с Гелием и конскими протомами»³⁵.

Другой точки зрения придерживался В.А. Анохин: «Курс «из 400» декрета в честь Протогена, по нашему мнению, не имеет никакого отношения к «борисфенам» – их выпуск прекратился задолго до событий, описанных в декрете»³⁶. В.А. Анохин, в отличие от П.О. Карышковского, очень сужал хронологические границы выпуска «борисфенов», сведя их только к двум первым десятилетиям III века до н.э. (300–280-ые годы до н.э.), в связи с чем и отказывался видеть в медных монетах Протогенового декрета «борисфены».

Но, если внимательно проанализировать этот декрет, то подсознательно возникает вопрос: а где же те медные монеты, о которых в нем идет речь, если это не «борисфены»? Ведь, как известно, Протоген внес на закупку хлеба для ольвиополитов во время голода 1 000 золотых статов, а также 1 500 на ремонт городских укреплений. Если он согласился взять долг медными (бронзовыми) монетами по курсу 1:400, то несложные подсчеты ($2\ 500 \times 400 = 1\ 000\ 000$) показывают, что город Ольвия должен был вернуть ему один миллион чеканных бронзовых монет! Даже, если деньги на ремонт укреплений он городу простил (как простил должникам своего отца 6 000 золотых), то все равно ему должны были выплатить 400 тысяч монет, которые, по большому счету, не было где взять, разве только отчеканить, что и было сделано. Любая другая бронзовая монета, кроме «борисфенов», не может претендовать по количеству своих находок на роль этой «заемной» эмиссии, иначе бы именно эта монета, а не «борисфены», лежала в большом количестве на всех поселениях ольвийской хоры эллинистической эпохи, а также встречалась от Польши до Поволжья. Именно аномально большим размером эмиссии «борисфенов», очевидно, объясняются те разительные перемены, которые произошли с этими монетами за период их выпуска. Отмеченные А.Н. Зографом и П.О. Карышковским изменения – резкое уменьшение веса и размеров этих монет, некачественное

³⁵ П.О. Карышковский, *Монеты Ольвии...*, с. 95.

³⁶ В.А. Анохин, *«Борисфены» и их место...*, с. 28.

литье и неаккуратное отрубание литников, большое количество штемпелей аверсов для реверсов с одинаковыми дифферентами, явное изготовление многих штемпелей какими-то подмастерьями или учениками мастеров – все указывает на изготовление монет в большом количестве на протяжении ограниченного времени. Монетный двор Ольвии вынужден был включать все свои мощности и изыскивать резервы. При среднем весе «борисфена» в 8 граммов для изготовления обещанных Протогену 400 000 монет необходимо было завезти на монетный двор 3,2 тонны бронзы, если же занизить вес монеты всего на 1 грамм, то только на этой нехитрой операции можно сэкономить 400 килограммов этого сплава. Очевидно, так и было сделано.

Когда же произошли эти изменения? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к особе Протогена, сына Геросона. Н.И. Николаев, которому принадлежит серия публикаций, в том числе монографических, по интересующему нас вопросу, отмечает: «Почти два столетия не прекращается дискуссия о хронологии ольвийского декрета в честь Протогена (*IosPE* 32). Между тем, инструментарий археологической науки пополняется; в частности, на базе синхронизации (в первом приближении) эпонимного календаря Ольвии *IosPE* 201 созданы основы ольвийской родовой просопографии IV–I вв. до н.э., а традиционные методы датировки лапидарных надписей Ольвии дополнил просопографический метод, в котором датирование надписей выполняется на базе хронологии персонажей этих надписей и/или их родственников (предков, современников, потомков)»³⁷.

Данный автор построил хронологическую модель событий декрета в честь Протогена на базе синхронизации ольвийского эпонимного календаря. Осуществленное им сложное, но аргументированное, историко-математическое исследование позволило ему утверждать, «что «первый» и «второй» голод в Ольвии случился, наиболее вероятно, близко к 270–258 г. до н.э.; при этом, «первый» голод и приход саев тяготеют к верхней области этого диапазона, а «второй» – к нижней. Средний возраст достигнут Протогеном к 256 г. до н.э. (...) Таким образом, хронология событий декрета *IosPE* 32

³⁷ Н.И. Николаев, *Хронология декрета в честь Протогена на основе синхронизации эпонимного календаря Ольвии*, в: *Древнее Причерноморье*, ред. И.В. Немченко, Одесса 2011, вып. 9, с. 342.

выстраивается в цепь, соответствующую последовательности описания этих событий в тексте. Эти события происходили во второй четверти III в. до н.э.»³⁸.

Таким образом, где-то во второй четверти III века до н.э. и произошли эти события, вызвавшие к жизни такое явление, как массовый выпуск «борисфенов» части средних и поздних групп. П.О. Карышковский утверждал, что абсолютная датировка многих ольвийских монет не может рассматриваться как точно установленная, одновременно отмечая: «Однако относительная последовательность серий или групп и отнесение их к тому или другому периоду истории ольвийского монетного дела представляется нам установленными все же достаточно надежно, а некоторые выпуски допускают и более строгие хронологические выводы. Так, например, сравнительно прочно обоснованными могут считаться, на наш взгляд, отнесение (...) медных монет с изображением Борисфена – к последней четверти IV и к первой половине III вв. до н.э.»³⁹. Сравнение дифферентов на «борисфенах» с синхронизированным ольвийским эпонимным календарем в общем подтверждает взгляды данного исследователя на хронологию «борисфенов»⁴⁰.

Вряд ли когда-нибудь удастся выяснить весь тот путь, по которому в первой половине III-го века до н.э. попали на Переяславщину чеканенные в Ольвии «борисфены», как и имя того человека, который привез их сюда и спрятал здесь в составе клада. Не подлежит сомнению денежный характер этого накопления, поскольку все три обнаруженные монеты не имели никаких отверстий или приспособлений для подвешивания, то есть не были украшениями, что часто бывает, например, с более поздними византийскими монетами, находимыми на Переяславщине.

Однако, даже находка четырех античных ольвийских монет может свидетельствовать о торгово-экономических контактах населения Переяславщины скифского времени с жителями греческих колоний Северного Причерноморья, а ее анализ позволяет по новому посмотреть на некоторые аспекты денежного обращения Ольвии IV–III вв. до н.э.

³⁸ Ibidem, с. 346–347.

³⁹ П.О. Карышковский, *Монетное дело...*, с. 199.

⁴⁰ Н.И. Николаев, И.А. Снытко, *Эпонимный календарь...*, с. 13–24.

Streszczenie

O obiegu monet olbijskich w związku ze znaleziskami archeologicznymi na lewym brzegu Dniepru w pobliżu Perejaśławia

Zabytki numizmatyczne należą do kategorii znalezisk archeologicznych, które zawierają dużo informacji. Do takich znalezisk na terytorium historycznego regionu Perejaśławia (lewobrzeżny obwód kijowski i obwód czerkaski) należą monety pochodzące z XVI–XVIII wieku, a także z późnorzymskiego i staroruskiego. Takie monety przeważają wśród przypadkowych znalezisk jak i podczas badań i wykopalisk archeologicznych.

Niekiedy na tym terenie dochodzi do niezwykłych znalezisk numizmatycznych z innych epok. W latach 2011–2019 na terenie Perejaśławszczyzny wykopano cztery oliwkowe monety z brązu, tzw. borisfienny. Trzy monety znaleziono podczas wykopalisk archeologicznych na terenie muzeum (skansenu) ludowej architektury i życia Środkowego Naddnieprza w Perejaśławiu-Chmielnickim. Znalezienie tych monet w bliskiej odległości od siebie, w zniszczonej warstwie kulturalnej, wraz z materiałami kultury czerlichowskiej i okresu staroruskiego, świadczy o tym, że w pierwszej połowie III wieku p.n.e. te monety zostały tu ukryte jako część skarbu, zdekompletowanego w kolejnych epokach. Były to monety pochodzące z terytorium starożytnej Olbii, z czasów hellenistycznych.

Odkrycie monet z Olbii wśród materiałów archeologicznych w regionie Perejaśławszczyzny w ostatnich 20 latach potwierdza fakt istnienia kontaktów handlowych i gospodarczych między ludnością tego regionu a starożytnymi miastami północnego regionu Morza Czarnego, z których najważniejszym była Olbia.

Summary

On Olbia's monetary circulation in connection with coin finds on the left bank of the Dnieper near Pereiaslav

Numismatic records are one of the most informative categories of archaeological finds on the territory of the historical Pereiaslav region (left-bank of Kyiv region and Cherkasy region). The most common coins found here date from 16–18th centuries, as well as from late Roman and ancient Rus times. Such coins are prevalent both among random finds and during archaeological explorations and excavations. But sometimes there are numismatic records of other epochs on this territory; its presence may seem somewhat unusual on these lands at first sight.

Such a response may be evoked with the find of four Olbia bronze coins «Borysthenes», discovered during 2011–2019 on the territory of Pereiaslav region. Moreover, three such coins were found during archaeological excavations on the territory of the Museum of Folk Architecture and Way of Life of the Middle Dnieper Area in Pereiaslav-Khmelnyskyi. Discovery of these coins near each other in the damaged cultural layer with the materials of the Chernyakhiv culture and Old Rus time indicates that in the first half of the 3rd century BC these coins were hidden here as part of treasure scattered in subsequent epochs.

These coins have a special place in Olbia numismatics due to widespread distribution of «Borysthenes» within the Olbia polis like a large number of their finds outside of it. It was the most common Olbia coin of the Hellenistic time. There is no other Olbia coin of this era which is represented with so many finds, as a rule there is only one Olbia coin «Borysthenes» in regions remote from the Northern Black Sea region.

The findings of Olbia coins, as well as the materials of archaeological research of Pereiaslav region of the last twentieth anniversary confirm the fact of existence of certain trade and economic contacts between the population of this region and the ancient cities of the Northern Black Sea region, the most important of which was Olbia.

Słowa kluczowe: numizmatyka, archeologia, region perejasławski, Olbia

Key words: numismatics, archeology, Perejaslav region, Olbia